

Где и когда впервые был построен Кузнецкий острог

ОСНОВНЫМИ первоисточниками по истории возникновения Кузнецкого острога, впоследствии города Кузнецка, являются отписки томских и кузнецких воевод, собранные Г. Ф. Миллером, во время его поездки по Сибири. Используя эти отписки, Миллер в своей «Истории Сибири» дает очерк истории Кузнецка и присоединения Земли кузнецкой к русскому государству.

Однако, используя отписки как первоисточники, Миллер несколько вольно относится к изложенным в них сведениям. Некоторым фактам он не придает значения, так как не находит им объяснения. Более того, он не пытается проанализировать цепочку сообщений, связанных друг с другом и дополняющих друг друга на протяжении нескольких отписок.

Миллер считает, что Кузнецкий острог был построен на правом берегу Томи против устья впадающей в нее Кондомы. В отписках же тех лет, изложенных разными людьми и в разное время, сообщается о перенесении острога с одного берега Томи на другой. Миллер знал об этих отписках и высказывается по поводу их так:

«Одного обстоятельства,

касающегося до первого строения города Кузнецка, не могу с прочим согласовать. А именно, по двум отпискам велено было острог в 7128 году перенести на другую сторону реки, в чем тамошние казаки своим ослушанием учинили препятствие. Для сего намерения посланы были из Томска Тимофей Бабарыкин да Осип Аничков с наказом, чтоб им острог построить вновь, которое строение ими того же году в действо произведено. Потому разве построенный в 7128 году острог стоял на западной стороне реки Томи? Или надлежало оный перенести с восточного берега на западный? Или надлежит сие толковать так, чтоб вместо старого острога на том же месте построить новый? Или здесь говорится о другом каком месте, где еще прежде 7128 году стоял русский острог, и может быть не о городке ли Ивана Пущина? Наконец подлинно ли перенесен острог или только на прежнем месте оной вновь построен? На сии вопросы, за недостатком довольных и приобретенных здесь архивных дел известий, ответить не можно. В бытность мою в Кузнецке я ни от кого не слышал, чтоб город сперва был на другом месте, а не на том, где ныне находится». (1).

Больше к этому вопросу Миллер, ни другие исследователи не возвращались. И до настоящего времени считается, что Кузнецкий острог сразу на том берегу Томи, где он стоит впоследствии, то есть на правом. Если же вернуться к отпискам, то при внимательном их рассмотрении и сопоставлении с природными условиями местности, о которой идет речь, можно убедиться, что первоначально Кузнецкий острог стоял на левом берегу и был не против устья Кондомы, а возле него. Вот что, например, сообщается в отписке томских воевод Федора Боборыкина и Гаврилы Хрипунова тобольскому воеводе князю Ивану Куракину, написанной не ранее мая 1618 г. «...В нынешнем, господине, во 126 году февраля в 24 день писали мы тебе с томскими казаками с Ларькою Алексеевым да с Ярошкой Порамоновым, что в нынешнем же во 126-м году февраля в 18 день послали мы в Кузнецкие волости голов татарского Осипа Коко-

рева, да Молчана Лаврова, да с ним томских служилых людей конных стрельцов и казаков и татар на лыжах, а велели мы им в Кузнецких волостях сойтица с сыном боярским с Остафием Харламовым и итти на улусы на Кондому реку, а пришед на тое Кондому реку, велено Осипу, да Молчану, Остафию и томским, и тюменским, и верхотурским служилым людям на усть Кондому реки, присмотря место угроже, где были угоды всякие, поставить острог, и всем укрепить, и кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку призывать...». (2).

Обратите внимание: служивые люди были посланы не на Томь, а на Кондому. Далее. Они с томскими, тюменскими, верхотурскими служивыми людьми поставили острог в Кузнецких волостях на устье реки Кондомы. Еще раз подчеркиваем: острог поставили не против устья Кондомы, а на самом устье.

В отписке кузнецких воевод Тимофея Боборыкина и Осипа Аничкова томскому воеводе Федору Боборыкину, писанной не ранее 4 июня 1620 года, говорится: «...В нынешнем, господине, во 128-ом году июня в 4 день пришел, господине, к нам в Кузнецкий острог сын боярский Бажено Карташов с томскими служилыми людьми. И мы, господине, служилым людям велели острог ставить за Томью рекою на угроже месте, у пашен и сених покосов и у рыбные ловли, где бы государю прибыльнее, наперед бы не переставлять. И служилые люди нас не послушали, за Томью рекою на угроже месте острогу не ставят: нам де пашни не надобны, добре нам старое место. И мы, господине, хотели послать с отписками к тебе в Томский город, и они, господине, прислали к нам ото всех служилых людей Иванка Недомолвина; и Ивашко Недомолвин сказал: мы де вам с отписками в Томский город отпустить никою не дадим, у нас де отржены мимо Томской город свои челобитчики 4 человека, а Томский де нам указ сошел, у нас де з головами и конными казаками говорено: мимо старое место (острога) нигде не ставити». (3).

Из этой отписки вполне определенно следует, что по-

ставленный в 1618 году острог не удовлетворял своим положением. Берег, на котором он располагался, хоть и был богат рыбными и сеними угодами, но в отношении пашен уступал противоположному, более высокому правому берегу.

Возьмем теперь отписку боярского сына Бажена Карташова, присланного в Кузнецкий острог со служивыми людьми для того, чтобы перенести острог на новое место (написана не ранее 1 июля 1620 г.): «...В нынешнем в 128-м году послан, государь, я ис Томского города в Кузнецкий острог ставить, а со мною, государь, служивых людей послано в Кузнецкий 8 человек. И я, государь, с служивыми людьми до Кузнецкого старово острога дошел июня в 1 день здорово. И как, государь, я пришел в Кузнецкий острог, и мы, государь, Тимофей Иванович, Осип Герасимович и я с ними, ходили за Томь реку под острог места смотреть. И я, государь, велел служивым людям по государеву наказу за Томью рекою на горе острог ставить, где луговой поля великие. А служивые люди все не пошли за Томь за реку острога ставить: мы де острог ставим на старом месте, а то от рыбы де за реку нейдём острога ставить, а нам де в том месте без конных людей острога ставить не мощно. И ты, государь, как укажешь». (4).

Здесь ясно говорится, что новый острог собирались перенести на другой берег и поставить на горе, где впоследствии он и был поставлен. Разве можно, читая эту отписку, сомневаться, что в момент ее написания острог стоял на левом берегу? Тот, кто бывал в старом Кузнецке и знает, как выглядят берега Томи, без труда согласится с нашим мнением.

Наконец, из отписки кузнецких воевод Тимофея Боборыкина и Осипа Аничкова томскому воеводе князю Ивану Шаховскому и Максиму Радилу, которая была написана не ранее 19 марта 1620 г., мы узнаем, что, несмотря на нежелание служивых людей переносить острог, он все же был перенесен на новое место: «...И мы, по государеву указу и по боярским отпискам, у Федора Бабарыкина взяв служилых людей, острог поставили во 128-м году, и острог стоит

год, и о том мы писали к государю к Москве и к государю боярину и воеводе Ивану Семеновичу Куракину в Тобольск». (5).

Из рассмотренного видно, что Миллер, не уделив необходимого внимания сообщениям о переносе острога с одного берега на другой, допустил ошибку. Объяснить эту ошибку можно, видимо, только тем, что в Кузнецке Миллер был проездом и не запомнил особенностей местности. Это, естественно, сказалось на результатах работы над первоисточниками. Оторванность Миллера от предмета описания видна и из того, что берега Томи он называет восточным и западным. В самом же деле Томь в этом месте течет с востока на запад, лишь слегка отклоняясь к северу, и правильнее было бы называть берега не восточным и западным, а южным и северным.

Ссылку на то, что в бытность его в Кузнецке Миллер ни от кого не слышал о перенесении острога на новое место, можно не принимать во внимание. Более чем сто лет, которые отделяют приезд исследователя в Кузнецк от времени построения острога, — срок довольно большой и достаточный, чтобы забыть об этом событии. Тем более, что перенос острога не связан с каким-то ярким эпизодом.

Следует принять во внимание и то, что служивые люди поначалу часто менялись в остроге, а пришлый человек скорее мог забыть исторические сведения, чем старожил.

Наше мнение подтверждает и памятная записка жителя Кузнецка Конохова, в которой он писал: «Первоначально Кузнецкий острог основан был на левом берегу реки Томи, на устье реки Кондомы...». (6).

Первый Кузнецкий острог был невелик и представлял собой обыкновенный частый кол, обнесенный валом. Через два года он уже требовал ремонта. В 1620 году, отказываясь строить острог на новом месте, служивые люди собирались ставить его на старом (видимо, усиливая или восстанавливать).

Теперь относительно даты построения первого острога.

В упоминаемой нами отписке томских воевод Федора Боборыкина и Гаврилы

Хрипунова тобольскому воеводе князю Куракину о построении Кузнецкого острога говорится, что посланный на строительство острога татарский голова Осип Кокорев и казачий голова Молчан Лавров вернулись со своими служивыми людьми в Томск 3 мая 7128 (1618) г. Посланы они из Томска 18 февраля того же года в помощь ранее ушедшему отряду, возглавляемому боярским сыном Остапом Харламовым (или Михалевским) и занимавшему в пути, в Тулберской волости. Объединившись, оба отряда отправились дальше в Кузнецкие земли и прибыли на место, очевидно, в первых числах марта. Следовательно, март и апрель — время строительства острога.

Но можно ли точно установить дату окончания строительства? Да, пожалуй, сделать это можно, если обратить внимание на следующие данные. Для того, чтобы отряд Кокорева и Лаврова мог вернуться в Томск 3 мая, из Кузнецка он должен был отправиться в последней декаде апреля. В апреле, как правило, бывает и религиозный праздник пасха. Вполне естественно, что отряд казаков и служивых людей, считающих пасху большим праздником, наметил окончить строительство острога, именно до пасхи, в последний день поста. В этом случае после праздника отряд Кокорева и Лаврова мог отправиться обратно в Томск. Значит, последний день поста перед пасхой 1618 года и будет датой окончания строительства острога.

Н. АГАПИТОВ,
краевед-любитель.

1. Г. Ф. Миллер: История Сибири, т. I, М.-Л., 1937, стр. 322.
2. Там же. Приложение № 98.
3. Там же. Приложение № 97.
4. Там же. Приложение № 99.
5. Там же. Приложение № 99.
6. Памятная записка о городе Кузнецке с начала его основания и о некоторых событиях в нем и о прочем, учиненная 1867 году и прочее, принадлежат для памяти принадлежат в Рукопись, лист 3 (хранится в библиотеке Томского Государственного университета, Витр. 786).

**КУЗНЕЦКИЙ
2-й РАБОЧИЙ**

16 мая 1967 года